
Глава XIII
НЕСТЬ ЕМУ КОНЦА

...Весь я не умру.

Гораций

Пятидесятишестилетие Гегеля было отпраздновано с помпой. Обычно день своего рождения философ отмечал в семейном кругу, начиная праздник в полночь накануне. В этом году все сложилось иначе: еще в июле жена с детьми уехала к матери в Нюрнберг, Гегель пребывал в одиночестве, и друзья решили придать юбилею торжественный характер. Вечер 26 августа он провел за карточным столом: играли в вист у банкира Блоха. Когда ночные сторожа провистали наступление нового дня, в ответ им зазвенели бокалы, поднятые в честь того, кто появился в этот день на свет.

Утром Гегель принимал поздравления. Приезжали знакомые, друзья, официальные лица. Неожиданно собственной персоной с визитом пожаловал шеф полиции тайный советник фон Камптц. Это была кульминация дня. После обеда философ отдыхал, набирая силы для вечера. Торжественный ужин состоялся в новом ресторане на Унтер-ден-Линден. За столом сидели ученики — Фёрстер, Ганс, Гото, композитор Цельтер, художник Рёзель, всего двадцать человек. Одного из присутствующих Гегель не знал, его немедленно представили: профессор Вихман, скульптор, ему заказан бюст юбилера. (Бюст был готов через два года, он достался Гёте, который держал его на своем письменном столе.) С музыкой явилась делегация студентов и преподнесла серебряный кубок с надписью: «Великому учителю». Глава делегации произнес речь, Гегель ответил. Затем началось чтение поздравительных стихов. Часы пробили полночь, и энтузиазм вспыхнул с новой силой: наступило 28 августа — день рождения Гёте. Посыпались новые тосты, новые стихи. Дружно выпили присутствующие, обращаясь к Гегелю и Гёте, за то,

Чтоб никакая в мире сила
Вас, братья, не разъединила!

«Фоссише цайтунг» поместила подробный отчет о торжестве в честь двух великих умов Германии. Этим-то и воспользовались недоброжелатели. Статью в газете показали королю. Что-то было сказано о поэтах и ученых, пытающихся затмить державную славу. В результате главная цензура получила указание следить за тем, чтобы в печати никогда более не освещались никакие торжественные события, кроме как в королевской семье и правительстве. Для Гегеля это уже не имело значения, ибо ни один его дальнейший юбилей не отмечался с такой торжественностью, как этот.

Пожалуй, самым ценным подарком, полученным к пятидесятишестилетию, было для Гегеля исполнение его давней мечты — издание научно-критического журнала. Этим он был обязан исключительно энергии Ганса².

В конце 1825 года Ганс в Париже познакомился со штутгартским издателем Коттой и уговорил его финансировать издание нового журнала. Вернувшись домой, Ганс поспешил обрадовать Гегеля. «Я застал его в зеленом меховом халате и черной беретоподобной шапке, одной рукой он держал щепотку табака, а другой искал что-то в бумагах, беспорядочно наваленных перед ним.

— А вы уже снова здесь, — сказал он мне, улыбаясь, — мы ждем вас уже целый месяц, тайный советник Шульце думал, что вы совсем не вернетесь.

— Мое опоздание имеет добрую причину, — возразил я, — я прибыл не один, я привез большую “Берлинскую литературную газету”.

— Литературная газета, это великолепно. Но где вы нашли предпринимателя?

— Он неплохой человек. Его зовут Котта. В Штутгарте мы почти обо всем договорились.

— Котта? Не забыл ли он “Оры”? И те трудности, которые появляются на второй год после того, как первый, казалось, начался удачно? Но Котта знает свое дело лучше нас, и, если он за что-то взялся, на него можно положиться. Он вам сделал предложение?

— Собственно, я ему. Я полагал, что такой университет, как Берлинский, не может дальше существовать без литературной газеты, а тот произвол, та негативность, которые господствуют на предприятиях подобного рода, обязывают к позитивному решению вопроса.

— Я тоже так думаю, и потому еще несколько лет назад я направил вверх, в министерство, записку, по которой до

сих пор не принято никакого решения. Если они не желают вмешиваться, обойдемся без них»³.

В упомянутой Гегелем записке речь шла об издании правительственного органа. Теперь появилась возможность частного издания, но это не меняло сути дела, и философ согласился возглавить журнал. Варнхаген фон Энзе был готов разделить ответственность. Для поднятия авторитета журнал решили сделать органом ученого общества. 23 июля 1826 года на квартире Гегеля было основано Общество научной критики с тремя секциями — философской, естественно-научной, историко-филологической. Секретарем философской секции стал Ганс. На него же было возложено дело-производство общества и журнала.

«В течение четырех или пяти заседаний, — рассказывает Ганс, — обстоятельно и всесторонне обсуждали мы устав. Тот, кто присутствовал на этих дебатах и видел, с каким жаром идет спор по отдельным деталям, должен был понять, что уставные положения долго не продержатся. Но в том и состоит отличие англичан и французов от немцев, что первые инстинктивно держатся формы, вторые предпочитают содержание, а третьи из любви к мнимому содержанию готовы разрушить любую форму»⁴.

Решено было поставить дело критического обзора литературы на научную высоту. Избегать случайных тем и случайных авторов. Заниматься наиболее актуальными проблемами в свете новейших завоеваний науки. Каждую рецензию предварительно обсуждать, тщательно редактировать и публиковать только под фамилией автора.

Общество научной критики стремилось объединить в своих рядах представителей разных убеждений и областей знания. Помимо Гегеля и Варнхагена, здесь были Гёте, Риттер, В. Гумбольдт, А. Шлегель, Буассре, Раумер и др. Только когда речь зашла о приглашении Шлейермахера, Гегель вскипел и заявил, что это будет равнозначно его уходу. Приглашение не состоялось, но пошла дурная молва о том, что готовится издание «газеты Гегеля». Еще не вышел ни один номер, но уже посыпались критические отклики. В прессе писали о том, что новый журнал будет выступать против свободы науки, излагая лишь принципы одного учения, удобного государству. Последнее явно стоит за спиной этого журнала. И отказ от анонимности авторов есть не что иное, как средство задушить свободу высказываний. Людвиг Берне умудрился даже выпустить брошюру против анонсированного журнала, в которой собрал все выдвинутые против него аргументы. Новому журналу предрекали фиаско.

Но все обошлось благополучно. «Ежегодники научной критики» начали свое существование в январе 1827 года. Ежемесячно выходило десять двойных выпусков. Гегель руководил журналом до конца своих дней. Уже в седьмом-восьмом номерах он приступил к публикации своей обширной рецензии на работу В. Гумбольдта «Об эпизоде из Махабхараты, известном под названием Бхагават-Гита». В октябре было напечатано окончание рецензии.

Известный филолог и знаток древностей, основатель Берлинского университета, старший из братьев Гумбольдтов опубликовал в 1826 году исследование об индийской философии, основанное на изложении и анализе дидактического отрывка из известного эпоса. Военачальник Ардшунас во время начавшегося боя вдруг прекращает сражаться и спрашивает бога Кришну, в чем смысл жизни. После чего в восемнадцати песнопениях следует изложение мировоззрения йогов. Деятельность, разъясняет Кришна, сковывает человека, поэтому нужно стремиться к освобождению от этих оков, а если уж действовать, то отнюдь не ради достижения какого-либо результата. Долг надо выполнять ради самого долга. Гумбольдту, кантианцу по убеждениям, эти идеи были дороги и близки. Гегель хвалил автора за кропотливый труд, но давал свою интерпретацию индийской философии. Последняя, утверждал он, коренным образом отличается от современного, рационалистического типа мышления, ныне она представляет лишь исторический интерес.

Статья Гегеля В. Гумбольдту не понравилась. «В ней, — писал он в марте 1828 года другу, — перемешана философия с баснями, истинное с ложным, древнее с современным; разве это философская история? Вся рецензия направлена против меня, хотя и скрыто; исходный ее пункт — убеждение в том, что я кто угодно, только не философ»⁵. Гегелю, правда, он писал другое: благодарил за обстоятельный разбор книги и поздравлял с выходом «Ежегодников». В. Гумбольдт не хотел ссоры, тем более что его родной брат к этому времени уже оплатил философу той же монетой.

Александр Гумбольдт приехал в Берлин весной 1827 года. После многолетних зарубежных странствий Нестор немецкого естествознания вернулся наконец на родину. Король положил ему ежегодно 5 тысяч талеров и четыре месяца отпуска в Париж. Ученик и друг Георга Форстера, реформатор Академии наук, виднейший натуралист и путешественник, исколесивший Южную Америку, изумлявший даже Гёте разносторонностью своих знаний и интересов, младший Гумбольдт пользовался широкой известностью во всех сло-

ях общества. Осенью он стал читать бесплатные публичные лекции по «физическому мироописанию». Зал был набит до отказа. Здесь сидели не только студенты и профессора, но рабочие и министры, появлялся даже король. Значительную часть аудитории составляли женщины. Гегель на эти лекции не ходил, но его жена была в числе слушательниц.

Картина мира, которую рисовал Гумбольдт в своих лекциях, поражала грандиозностью и поэтичностью. С жаром и художественным мастерством говорил ученый о космосе и о Земле, о диковинных минералах и экзотических растениях, знакомил с теориями и фактами, почерпнутыми из истории науки и современного естествознания. Шестая лекция была явно направлена против умозрительной философии. Гумбольдт не одобрял позитивистских наскоков на философию, которые уже в его время стали модны во Франции, но ему претили и менторские замашки немецкого идеализма. В гегелевском учении его не устраивало третирование природы как косного начала. Имя Гегеля в лекции не было названо, но были произнесены слова о «метафизике, лишенной знаний и опыта», ведущей «к схематизму, более узкому, чем в Средние века». Гегелю сообщили об этом, и он почувствовал себя задетым. Через Варнхагена фон Энзе, друга Гумбольдта, пришлось требование объясниться. Гумбольдт, как и его брат, не хотел скандала и ловко вышел из положения. Он послал Варнхагену подготовительные записки к лекции, имя Гегеля опять при этом названо не было, но подразумевалось, что записки предназначены для него. Варнхаген переслал манускрипт Гегелю, который внимательно его прочитал, не обнаружил ничего предосудительного и с удовлетворением вернул назад, объявив случившееся недоразумением. Впоследствии выяснилось, что Гумбольдт послал текст не шестой, а пятой лекции. Философ об этом так и не узнал.

Дипломатическое искусство Варнхагена, его твердость и такт спасли и Общество научной критики, которому грозил распад из-за диктаторских замашек Гегеля. «Когда начали выходить “Ежегодники”, — вспоминает Варнхаген, — Гегель становился все деспотичнее и вел себя на заседаниях столь странным образом, что всем стало ясно: так дальше работать невозможно, дело заходит в тупик. Мне выпала роль выступить от имени всех и указать достопочтенному мужу на то, что и он должен знать свои границы. Это была напряженная схватка, сопровождавшаяся личными упреками и обвинениями. Но ничего недостойного сказано не было, ничего такого, что бы могло подорвать взаимное уважение. За состоявшимся после заседания ужином еще сохранялась атмо-

сфера ссоры, большинство присутствующих были больше дружны с Гегелем, чем со мной, но в душе были на моей стороне. Когда вставали из-за стола, я подошел к Гегелю и сказал: «Давайте расстанемся по-хорошему. Вы мне, а я вам наговорил кучу неприятных вещей, но ничего такого, что нельзя было бы взять назад. Поверьте, я глубоко вас уважаю. Вот моя рука. Помиримся!» Он не только протянул мне свою руку, но сердечно обнял меня; в глазах у него стояли слезы. Он не ожидал подобного оборота дела. С тех пор у нас не было столкновений»⁶.

Не обходилось без трений и в университете. В январе 1827 года один из любимых учеников Гегеля, Г. Гото, подал прошение о габилизации. В диссертации «О принципах истории искусств» он излагал идеи учителя. Гегель был доволен и поспешил дать положительный отзыв. Но работа не прошла. Эстетик Хирт заявил, что он потратил три часа на чтение, но не понял ни одной фразы. Многих возмутили критические выпады Гото против Ф. Зольгера, профессора Берлинского университета, который способствовал приглашению Гегеля в прусскую столицу и умер через год после его приезда. Иронические и недоброжелательные замечания членов факультета суммировал декан В. Раумер. Гото, писал он, ведет себя так, как будто ключи от вселенной у него в кармане. Но легче на поворотах! Вместо того чтобы учиться, этот новичок осмеливается учить других. Факультет не потерпит, чтобы восемнадцатилетние тепличные растения воспитывали двадцатилетних⁷. Гото не стал дожидаться окончательного решения, которое не могло не быть отрицательным, и поспешил взять свою работу назад. Через три месяца он представил новую — о Гераклите. На этот раз он получил разрешение читать лекции, которые, надо сказать, сразу стали пользоваться успехом.

После неудачи Гото критическим разбором литературного наследия Зольгера занялся сам Гегель. Вторая его рецензия в «Ежегодниках» была посвящена посмертному изданию сочинений и писем безвременно скончавшегося ученого. Гегель с пиететом писал о Зольгере, всячески выискивая различия между его взглядами и позицией романтиков, в частности Ф. Шлегеля, с которым покойный был дружен.

Ф. Шлегель пытался сделать центральным понятием философии иронию и лишал тем самым «науку наук» конструктивного и общедоступного содержания. По словам Шлегеля, в иронии «содержится, и она вызывает в нас чувство неразрешимого противоречия между безусловным и обус-

ловленным, чувство невозможности и необходимости всей полноты высказывания... Нужно считать хорошим тоном, что гармонические пошляки не знают, как отнестись к этому постоянному самопародированию, когда попеременно нужно то верить, то не верить, покамест у них не начнется головокружение, шутку принимают всерьез, а серьезное за шутку»⁸.

У Гегеля подобный подход к делу мог вызвать только крайнее раздражение. «Он всегда, — писал Гегель о Ф. Шлегеле, — рассуждал о философии без того, чтобы высказать хотя бы одно содержательное положение»⁹. Ф. Шлегель, разумеется, не оставался в долгу. Его брат Август Вильгельм сочинил по этому поводу эпиграмму, в которой призывал немцев полюбоваться повсеместно развернувшейся борьбой двух титанов:

Где Саар и там, где Прегель,
С Гегелем воюет Шлегель,
Со Шлегелем воюет Гегель¹⁰.

В статье о Зольгере Гегель подчеркивал, что шлегелевская ирония не имеет ничего общего с сократовской: первая негативна, нигилистична, в то время как последняя направлена на поиски истины. Точно так же ирония Зольгера сродни диалектическому разуму. К сожалению, Зольгер не успел последовательно развить свои мысли, но и образом своего философствования, и отношением к искусству он заслужил того, чтобы его отличали от романтиков.

В 1828 году в «Ежегодниках» появилась гегелевская рецензия на собрание сочинений Иоганна Георга Гамана. Фактически это небольшая монография, посвященная одной из наиболее интересных фигур немецкого Просвещения. Чуждый точным наукам и систематическому знанию, талантливый литератор, религиозный мыслитель Гаман и привлекает, и отталкивает Гегеля. Гегель ценит в Гамане диалектика, критикующего рассудочный рационализм и всюду усматривающего совпадение противоположностей. Но Гаман — иррационалист, и это отпугивает Гегеля. У Гамана совершенно отсутствуют какие-либо позитивные построения, его язык умышленно загадочен, субъективное видение мира заслоняет объективную структуру. Это диалектика, которая становится софистикой. Таков окончательный приговор¹¹.

Реакцией на статью Гегеля было возмущенное письмо дочери Гамана: «Как описать Вам мое удивление, болезненную реакцию моего сердца, когда я увидела, что Вы искази-

ли светлые образы моих родителей, выпятили одни лишь их темные стороны и показали их обществу в резких тонах. Вы представляетесь мне бандитом, который вломился в царство моих юношеских грез с целью коварным образом их разрушить, что Вам на миг удалось. Но я чувствую, как во мне подымается возмущение, я буду действовать в духе моего отца, если смогу осудить Ваше преступление»¹². Гегель на это письмо не ответил, сейчас, впрочем, трудно сказать, получил ли он его, было ли оно вообще отослано. Оно не вошло в опубликованную после смерти переписку философа и увидело свет лишь в начале XX века.

Переписка Гегеля состояла в основном из писем иного рода. Ему писали единомышленники; студенты обращались за советом и помощью; молодые ученые присылали свои книги, рукописи, диссертации. Один почитатель сообщил Гегелю, что учит наизусть его книги; философ ответил, что это не лучший способ усвоить диалектику. В конце ноября 1828 года из Ансбаха поступило латинское сочинение «О едином, универсальном, всеобщем разуме», защищенное в качестве докторской диссертации. Его автор Людвиг Фейербах два года слушал в Берлине лекции Гегеля, слушал внимательно и восторженно. «Благодаря Гегелю, — признавался Фейербах, — я осознал самого себя, осознал мир. Он стал моим вторым отцом»¹³. Посылая на строгий суд учителю свою диссертацию, ученик, однако, в почтительной форме ставил вопрос о дальнейшем развитии принципов, заложенных в гегелевской философии религии. Сейчас важно, писал Фейербах, подвергнуть отрицанию прежние способы воззрения на смерть и жизнь, потусторонний и посюсторонний мир. Христианство не является совершенной и абсолютной религией, разум не исчерпан в христианстве. Так у будущего автора «Сущности христианства» зарождались первые критические идеи, которые, разумеется, не могли найти сочувствия у автора «Лекций по философии религии». Письмо Фейербаха осталось без ответа¹⁴.

Гегель, однако, с большим вниманием отнесся к другому присланному ему сочинению. Анонимно изданная книга называлась «Афоризмы о незнании и абсолютном знании в отношении к познанию христианской веры». Книгу написал Карл Фридрих Гёшель, член суда в Наумбурге, человек, Гегелю совершенно незнакомый, но удивительно точно применивший идеи гегелевской философии к сфере религии. Гегель опубликовал в «Ежегодниках» рецензию, в которой с большим одобрением отозвался об этом сочинении. Опасность показаться человеком, пристрастно относящимся к

своим интересам, не могла удержать его от выражений радости по поводу содержания этой книги и содействия истине, оказываемого ею, а также от благодарного пожатия руки незнакомому лично автору специально за отношение его к работам рецензента по умозрительной философии. Впоследствии, когда Гегеля спрашивали, в каком опубликованном сочинении изложены его взгляды на религию, он называл «Афоризмы» Гёшеля.

Почти одновременно с книгой Гёшеля на книжном рынке появилось анонимное произведение «Об учении Гегеля, или абсолютном знании и современном пантеизме», которое обвиняло Гегеля одновременно и в самообожествлении, и в самоуничижении. Гегелевская критика католической церкви унижает небо, а кто унижает небо, тот унижает самого себя. Мысль Гегеля, высказанную в «Основах философии права», что способность человека уродовать и умерщвлять себя является одним из его преимуществ перед животными, автор подавал как теорию самоизуродования и самоумерщвления, несовместимую с христианским вероучением.

Надо сказать, что это был не первый выпад против философа, исходивший из католической среды. Еще три года назад в министерство вероисповеданий поступила жалоба по поводу того, что Гегель публично бесчестит католическую религию. На одной из лекций профессор позволил себе остроту: если мышь, сказал он, съест освященную просфору, то для католика она приобщается «телу Господню» и должна стать объектом поклонения. Расследование было поручено тайному советнику Й. Шульце, близкому другу Гегеля, который удовольствовался объяснительной запиской философа, где тот заявил, что он лютеранин, преподает в протестантском университете и видит свой долг в том, чтобы научно разоблачать «папистское идолопоклонство и суеверие». В аналогичных тонах было выдержано и его устное объяснение перед студентами. Находившийся в аудитории доносчик — католический священник — тупо и угрожающе уставился на профессора. «Мне не импонирует ваше присутствие здесь»¹⁵, — заявил Гегель, и под шум зала доносчик вынужден был уйти.

Теперь Гегелю пришлось отвечать в печати. Он использовал свои «Ежегодники», где поместил рецензию на анонимный памфлет, назвал своего критика злобным клеветником, который паразитирует на его работах и еще к тому же бранится. Впрочем, еще никому не довелось видеть благодарного паразита. «Вот с каким сбродом принужден я бороться», — заканчивал Гегель разбор этой книги¹⁶.

В этой же рецензии Гегель отбивался и от другого публичного доноса, содержащегося в книге «О философии вообще и “Энциклопедии философских наук” Гегеля в частности. К оценке последней». Ее автор, некто Шубарт, в судьбе которого Гегель по просьбе Гёте принял живое участие, отблагодарил своего благодетеля обвинением в неблагодарности. (По просьбе Гёте Гегель написал письмо тайному советнику Й. Шульце с просьбой пойти навстречу просителю¹⁷.) Гегель, уверял он, отвергает бессмертие души: в психологическом разделе «Энциклопедии», где идет речь о возрастах, нет ни слова о смерти и бессмертии. Не верит ли Гегель, что он будет живым взят на небо или, как вечный жид, блуждать по свету? Ответ Гегеля был резок: полемика, состоящая из злобных инсинуаций и безвкусных выходов, претендующих на остроумие, слишком жалка, чтобы назвать ее даже гнусной¹⁸.

В полемических схватках проходил 1829 год. Но впереди была приятная перспектива: осенью Гегель решил предпринять новое каникулярное путешествие. Как обычно, заблаговременно он подал прошение о вспомоществовании, не преминув опять напомнить Альтенштейну о невыполненных обещаниях относительно повышения оклада. Речь шла об Академии наук, которая упорно не желала открывать свои двери перед Гегелем. Академия, хотя и существовала на государственные деньги, все же сохраняла относительную независимость. Здесь не было, как в университете, государственного надзирателя, не было даже президента, ответственного перед правительством. Она управлялась по очереди секретарями отделений. Шлейермахер и Александр Гумбольдт играли решающую роль. Альтенштейн в течение одиннадцати лет настойчиво добивался избрания Гегеля. Академики его выслушивали, но решали по-своему. Последний раз вопрос рассматривался летом 1830 года. К этому времени Гегель уже помирился с Шлейермахером, и богослов настаивал на принятии философа в число членов академии. Но теперь на пленарном заседании воспротивились физики и математики. Их слово оказалось решающим. Гегелю было не суждено занять место в Прусской академии наук.

Альтенштейну ничего не оставалось, как в утешение компенсировать Гегелю путевые расходы, когда философ напоминал министру о несбывшихся надеждах. Так было и на этот раз. В конце августа 1829 года Гегель отправился в Прагу, провел там несколько дней, затем поехал в Карлсбад. Чешский курорт уже тогда пользовался мировой славой. Гегель не страдал каким-либо недугом, требующим в Карлсба-

де специального лечения. Любопытства ради он пил, правда, целебную воду, но ванн не принимал. Приятным сюрпризом была встреча с Шеллингом. Узнав, что друг его юности находится в Карлсбаде, Гегель отправился его разыскивать и застал во время процедуры в ванне. При встрече они сердечно обнялись, вместе обедали, вместе лазали по горам, окружающим город, говорили о политике, о чем угодно, но только не о философии. Впечатления от встречи двух давних друзей не были однозначными. Гегель — инициатор встречи — в письме жене радовался общению со старым другом¹⁹. Шеллинг был более сдержан; он помнил о разрыве. В письме своей жене он заметил, что Гегель был столь дружески настроен, как «будто между нами ничего не случилось»²⁰, и он вынужденно поддержал общение. На обратном пути Гегель заехал в Веймар. Это была последняя его встреча с Гёте.

В октябре Гегеля выбрали ректором университета. Ректор избирался из числа профессоров сроком на один год. Одновременно правительство в соответствии с карлсбадскими постановлениями назначало для контроля своего уполномоченного. Гегель впервые совмещал в одном лице обе должности. Это свидетельствовало о высоком доверии, которым он пользовался не только у Альтенштейна, но также и у органов безопасности Прусского государства.

18 октября Гегель произносит традиционную латинскую речь ректора, вступающего в должность. Тема выступления — академическая свобода. Университет, говорил он, обращаясь к профессорам и студентам, — живое зеркало Вселенной. Это сообщество, своего рода государство, где свобода и закон слились воедино. Наши законы мы выработали сами, они являются законами дела, которому мы служим. Академическая свобода учения и обучения, развертывания всех ценностей жизни представляет собой образец и источник всех других свобод. Она далека как от слепого подчинения авторитету, так и от необоснованного релятивизма мнений и поступков. Университет покоится на прочной основе истины, которая и является его конечной целью, он соединяет в себе теорию и практику, религиозное и светское, всеобщее и индивидуальное начало в человеке.

В качестве ректора Гегелю пришлось произнести речь на латинском языке и 25 июня 1830 года, в день трехсотлетия кульминационного пункта Реформации, передачи лютеранами императору в Аугсбурге принципов новой веры. На этот раз Гегель говорил о религиозной свободе, которую завоевал протестантизм, преодолевший в отношениях между человеком и Богом пропасть, вырытую католической церковью. На

пороге своего шестидесятилетия Гегель еще раз воздал хвалу лютеранству как высшей ступени развития религиозного сознания.

К шестидесятилетию ученики Гегеля заказали памятную медаль. На лицевой стороне был выбит профиль философа, на оборотной — символическое изображение: в центре — гений; справа от него — женская фигура с крестом, олицетворяющая веру; слева — ученый, склонившийся над книгой, а над ними сова — олицетворение мудрости. Союз веры и мудрости — так толковали смысл этого изображения.

Медаль пользовалась успехом у друзей юбиляра. Недоволен был только Гёте; почему — нетрудно догадаться. «Как ужасно мне не нравится оборотная сторона гегелевской медали, — писал он Цельтеру, — совершенно непонятно, что хотели этим сказать. Я доказал в своих стансах, что как поэт и как человек я умею почитать и украшать крест, но мне не нравится, что философ кружными путями через первоосновы и необоснованность бытия и небытия приводит учеников к этому изображению виселицы»²¹. Попытки соединить философскую мысль с богословием раздражали поэта. Он неодобрительно относился к гегелевскому курсу о доказательствах бытия Бога. «Привлекает и отталкивает» — таково последнее слово Гёте о философии Гегеля, сказанное уже после смерти мыслителя.

В январе 1831 года Гегель удостоился правительственной награды — ордена Красного орла 3-й степени. К этому времени он уже сложил с себя обязанности ректора, но награда как бы отмечала его успехи и на этом поприще. В заслугу философу, в частности, ставилось то, что в Берлинском университете за весь период его ректорства не было никаких антиправительственных выступлений. И это несмотря на то, что во Франции развернулись революционные события. Лишь один студент был задержан полицией за ношение французской кокарды, но это оказалось недоразумением: провинившийся искренне полагал, что на нем патриотический немецкий значок. Остальные дисциплинарные нарушения, связанные с вмешательством полиции, не внушали серьезных опасений: двенадцать человек курили там, где не дозволено, трое дрались на дуэли, пятнадцать намеревались драться, тридцать нарушали порядок, но отнюдь не по политическим мотивам. Из университета никто не был исключен, только четырнадцать студентов посажены в карцер. Гегель оправдал оказанное ему доверие.

В конце июля 1830 года в Париже были объявлены королевские указы, отменявшие те куцые демократические сво-

боды, которые еще существовали в стране. В литературной среде возникло брожение, затем перекинувшееся на улицы. Войска, брошенные против народа, перешли на его сторону. Гегель с живым интересом следил за событиями; Ганс, оказавшийся в это время в Париже, сообщал ему о положении во французской столице на 5 августа: «1. Порядок в Париже восстановлен. 2. Создана национальная гвардия во главе с Лафайетом. 3. Королевской гвардии предложили выразить свое отношение к указам. Если она за указы, то должна покинуть Париж. Она так и поступила. 4. Где находится король и Полиньяк, неизвестно. 5. Палаты пэров и депутатов заседают. 6. Создано временное правительство».

Франция осталась монархией, корону получил Луи Филипп. Наступило царство банкиров и промышленников. Виктор Кузен занял крупный пост в министерстве просвещения. В мае 1831 года он приехал в Берлин для ознакомления с народным образованием и снова посетил Гегеля. Это была их последняя встреча.

Внимание Гегеля снова приковано к актуальным политическим проблемам его времени. Политика абсорбирует все интересы, признается он в одном из последних писем²². Последнее значительное его произведение, увидевшее свет незадолго до смерти, — «Английский билль о реформе». Если в ранней критике вюртембергских сословных представителей Гегель обрушивался на тех, кто отстаивал устаревшие права и привилегии, то здесь он выступает на стороне противников избирательной реформы. Гегель высказывает прямое опасение, что реформа повлечет за собой активизацию политической борьбы, которая опасна для Англии потому, что монархическая власть там слишком слаба, чтобы играть роль опосредующей силы между борющимися партиями. «Другой силой может быть народ; и оппозиция, базирующаяся на принципах, до сих пор чуждых парламенту, увидев неравенство сил по сравнению с противоположной парламентской партией, может поддаться соблазну искать поддержки в народе, и тогда вместо реформы произойдет революция»²³.

Так заканчивалось это своего рода политическое завещание Гегеля. Прошло почти 40 лет с того времени, когда юный тюрингенский студент набрасывал утопические планы возврата к античной свободе. За эти годы взгляды философа претерпели существенные изменения. Увлечение революцией сменилось разочарованием в насильственной ломке социальных устоев. Эмоционально-художественное отношение к действительности уступило место культуре логического мышления, раскрывшегося перед философом во всей слож-

ности и полноте. Все личное, волнующее только индивида, отступило на задний план перед интересами государства как социального целого. Многие перемены произошли в убеждениях Гегеля, но никогда не оставляла мыслителя вера в разум человека, в правопорядок и справедливость.

Летом 1831 года в Берлине началась эпидемия холеры. Семья Гегеля перебралась за город, в Крейцберг. В Берлин старались не ездить, и даже свою шестьдесят первую годовщину философ отпраздновал за городом, в ресторане «Тиволи». Собралось всего несколько человек (многие друзья и почитатели мыслителя, напуганные холерой, бежали подальше от столицы). Едва выпили шампанское и принялись за кофе, как внезапно налетела сильная гроза, разогнавшая гостей. В этом увидели дурное предзнаменование.

Летом и осенью Гегель готовил второе издание «Науки логики». Много было уточнено и дополнено, но коренной переработке труд не подвергся. Заканчивая новое предисловие, философ вспоминал о том, что Платон семь раз переделывал свои книги о государстве. Современному автору, имеющему перед собой и более сложные проблемы и более обширный материал, следовало бы перерабатывать написанное семьдесят семь раз. Но увы, такой возможности нет, более того, в душу философа закрадывается сомнение, оставляет ли повседневная суэта современного мира вообще достаточно простора для мыслительной работы. Поэтому он выпускает свою книгу, довольствуясь тем, чем его труд мог стать в таких условиях. Под предисловием стоит дата 7 ноября 1831 года.

К этому времени Гегель снова в Берлине. Холера начала стихать, и в университете возобновились занятия. На зимний семестр Гегель объявил два курса: философию права и историю философии. Придя на факультет, Гегель обнаружил объявление профессора Ганса о чтении им истории общего права; в объявлении Ганс советовал студентам посещать лекции Гегеля. Дело заключалось в том, что уже несколько лет Гегель не читал философии права, передав этот курс целиком Гансу. Но в высших сферах были недовольны: «Ганс делает студентов республиканцами». Тогда министерство предложило Гегелю снова приступить к чтению этого ответственного курса. В 1830 году Гегель объявил его параллельно с лекциями Ганса. Но записалось к нему всего лишь двадцать пять человек. И Гегель «по нездоровью» от курса отказался (вместо него читал Михелет). На зимний семестр 1831 года Гегель снова объявил философию права. Боясь повторения прошлогодней истории, Ганс обра-

щался к своим студентам с рекомендацией ходить на лекции к его учителю. Гегель обиделся и отправил Гансу записку следующего содержания, состоящую из одной фразы: «В ответ на эксцентричную, как я готов выразиться, мысль, пришедшую Вам в голову, дорогой профессор, сделать объявление, в котором Вы говорите студентам о конкуренции, подвергавшейся нашему обсуждению, и позволяете себе рекомендовать им посещение моих лекций, я мог считать своим долгом сделать со своей стороны также публичное объявление с целью предотвратить возможное среди моих товарищей и студентов предположение, выставляющее меня в глупом свете, будто я согласен с Вашим объявлением, будто бы такое Ваше объявление и рекомендация моих лекций вызваны мною самим, как Вы почти даете мне понять в своем заявлении, не употребляя, однако, моих выражений; надежда, что, по крайней мере, люди, знающие меня, не припишут мне такого поступка, и опасение дать Вам повод к новым неловкостям и промахам заставляют меня выразить Вам свой взгляд на Ваше объявление этими строками, а не объявлением»²⁴. Письмо помечено: «Берлин. 12 ноября, 1831». Через день Гегеля не стало.

Утром в воскресенье 13 ноября философ почувствовал себя плохо: боли в желудке и рвота. Гостей, приглашенных к обеду, попросили вернуться домой. Вызвали врача, который не нашел ничего опасного; у больного и ранее бывали подобные припадки. Ночью он не мог уснуть. «Я сидела возле него, — писала жена сестре Гегеля, — укутывала его, если он садился или сбрасывал с себя одеяло. Он непрестанно просил меня прилечь и оставить его в покое. Боль в желудке не была острой, но «как зубная боль, которая не дает возможности спокойно лежать». Утром в понедельник он намеревался встать. Мы перевели его в гостиную, при этом он был так слаб, что чуть не упал, не дойдя до дивана. Я принесла подушки и пуховики. Он жаловался только на слабость. Тошнота и боль исчезли, и он сказал: «Боже, хотя бы один час покоя сегодня ночью». Он сказал, что ему нужен покой, и попросил не принимать гостей. Я хотела проверить его пульс, но он мягко отстранил мою руку, как бы говоря мне: не беспокойся. Врач был с раннего утра, прописал, как и накануне, горчичники на нижнюю часть тела (вечером я ставила пьетки). При мочеиспускании были боли, и он расплакался. Но в целом вел себя спокойно, лежал потный, в полном сознании и, как мне казалось, не осознавая опасности. Пришел другой врач, доктор Хорн, прописал горчичники на все тело, а поверх фланель, смоченную в отваре ро-

машки. Ему это не причиняло помех и беспокойства. В три часа начались судороги в груди, потом он ненадолго уснул. Вдруг левая часть лица похолодела, руки заоченели и посинели. Мы стояли на коленях у его ложа и прислушивались к его дыханию»²⁵. В четверть шестого Гегель скончался. В тот же самый день, 14 ноября, за 115 лет до этого умер Лейбниц. Кроме членов семьи у смертного одра философа находился Иоганнес Шульце.

Врачебное заключение гласило: холера в ее интенсивнейшей форме. Этот диагноз поставила под сомнение уже жена покойного. Современные биографы с ней согласны: скорее всего причиной смерти было обострение желудочного заболевания, которое давало о себе знать и раньше. Не будь эпидемии, никто из врачей не вспомнил бы о холере. Да и друзья умершего не думали о ней: известие о смерти философа немедленно привело их в его дом. И хоронили Гегеля совсем не так, как жертв эпидемии, которых немедленно закапывали на особом кладбище. (Правда, полицей-президент Берлина, разрешивший официальные похороны, имел потом по этому поводу неприятности.)

Торжественное погребение состоялось 16 ноября. В актовом зале университета ректор Мархайнеке произнес речь. Длинная процессия студентов сопровождала гроб на кладбище, где Мархайнеке и Фёрстер снова выступили с речами. Могила Гегеля находится в центре современного Берлина на кладбище близ Ораниенбургских ворот. Рядом покоится Фихте. И Бертольт Брехт.

* * *

На следующий год после смерти Гегеля добровольно окончила счета с жизнью его сестра Христиана. Она была на три года моложе философа, страдала душевным расстройством, одно время находилась в психиатрической больнице. Ей казалось, что врачи губят ее здоровье при помощи особых магнитов, и, чтобы предохранить себя, она надевала множество экзотического вида одежд. Смерть брата окончательно лишила смысла ее и без того тусклое существование.

Жена Гегеля пережила мужа на двадцать четыре года. Младший сын, Иммануил, стал церковным чиновником, последний его пост — президент консистории в Бранденбурге. Средний сын, Карл, доживший до начала нашего века, — известный в свое время историк-медиевист.

Трагично сложилась жизнь первенца — Людвига. Его судьба — темное пятно на биографии великого человека. Рожден-

ный вне брака, он с четырех лет воспитывался в пансионе Софии Бон, свояченицы книготорговца Фроммана, который вместе с братом философа Георгом (погибшим потом в России) был его крестным отцом. Мальчик получил воспитание, которое было принято в обществе. В Йене его называли «маленький Гегель», Гёте посвятил ему четверостишие²⁶:

Ты был ребенок и с доверьем шел
Навстречу бытию, исполненному зол.
Мужайся перед ним и, коль придется туго,
Возвысь свой дух благословеньем друга*.

Когда Людвигу минуло десять лет, отец взял его к себе в Гейдельберг. В Берлине он, как потом и другие сыновья Гегеля, посещал французскую гимназию, учился хорошо, проявляя способности к языкам. Отец радовался его успехам и прилежанию. Но затем произошло что-то непонятное. Пятнадцати лет его взяли из школы и отдали в Штутгарт в обучение к торговцу. Там впечатлительный мальчик, и без того страдавший от одиночества, почувствовал себя совершенно несчастным. Дальнейшее ухудшение отношений между отцом и сыном, по одной версии, было вызвано пропажей у купца 8 грошей, в которой обвинили Людвигу, после чего Гегель заявил, что сын недостойн носить его фамилию и Людвиг отныне должен был называть себя Фишер — по девичьей фамилии своей покойной матери. Другую версию излагает Людвиг в одном из писем: «Когда я переехал из Йены в Гейдельберг, я сильно обманывал себя надеждой, что ко мне будут относиться с любовью. Но меня поставили на последнее место как пасынка — и отец, которого я никогда более так не назову, и мачеха, сама имевшая еще двух детей. Таким образом, я жил всегда в страхе, а не в любви к родителям, отношения всегда были натянутыми и не могли привести к добру. В Берлине только недостаток средств мешал мне удрать из дома, я бы осуществил этот план, если бы у меня был хотя бы товарищ. В эти годы сложился мой характер, у меня объявились наклонности к языкам, и в течение целой четверти я был первым учеником по латыни и греческому. Как мне хотелось изучать медицину! Но мне было заявлено, чтобы я об этом и не думал, меня отдали к торговцу. Я сказал, что мне будет там тяжело, я не рожден для этого дела, тогда мне ответили, что лишат поддержки.

Теперь это произошло. Я уже давно собирался покинуть Штутгарт и всякий раз менял решение. Но в конце концов

* Перевод Б. Чичибабина.

я не мог больше терпеть произвола приказчиков, да и хозяин — человек ограниченный во всех отношениях; состоялся неприятный разговор с ним, я попросил увольнения, которое было мне после повторных требований предоставлено. Господин Гегель распрощался со мной через моего хозяина и ничего мне непосредственно не написал. Из Майнца я послал ему сердечное прощальное письмо, последнее, которое он от меня получит, и на этом мы порвали»²⁷. Восемнадцатилетний юноша завербовался в солдаты, на шесть лет его отправили в Индонезию. Гегель ничего о нем не желал знать. Ван Герт, его ученик и крупный чиновник в Нидерландах, писал ему в 1828 году: «Вы забыли мне сказать самые необходимые сведения о Вашем сыне, который находится на голландской службе в Батавии. Мне было бы приятно быть ему полезным, и у меня есть для этого все возможности. Будьте так добры, сообщите мне, в какой он части и что нужно сделать, я сделаю гораздо больше, чем Вы полагаете»²⁸. Гегель ему не ответил. Капрал Людвиг Фишер отслужил на Яве свои шесть лет, но по истечении срока заболел тропической лихорадкой и умер в 1831 году, опередив отца на два с половиной месяца.

Такова судьба близких Гегеля. Но у философа было и другое потомство, связанное с ним узами духовного родства. Вскоре после смерти мыслителя начало выходить восемнадцатитомное собрание сочинений, куда были включены и тексты лекций. Мархайнеке подготовил издание лекций по философии религии, Гото — по эстетике, Михелет — по истории философии, Ганс — по философии истории. Если к этим именам добавить Гешеля и Хинрихса, то мы получим представление о том, кто входил в группу так называемых «старых» гегельянцев — выпестованных самим Гегелем учеников и близких его друзей. Два названных не в последнюю очередь выделялись своими консервативными взглядами и стремлением истолковать гегелевское учение целиком в духе протестантской ортодоксии. Это было правое крыло школы. Здесь религию уравнивали в правах с философией, абсолютную идею рассматривали в качестве Господа Бога, вместо триады предпочитали рассуждать о Святой Троице.

Но в недрах гегелевской школы, занимавшей доминирующее положение в духовной жизни Германии, зрели новые веяния. Четыре года спустя после смерти философа вышла книга Давида Штрауса «Жизнь Иисуса», которая произвела сильное впечатление на современников и выдержала несколько изданий. Используя методы критики исторических источников, Штраус пришел к выводу о недостоверности

Евангелия. Все сообщения евангелистов о деяниях Иисуса неправдоподобны, никаких сотворенных Им чудес не было и быть не могло. Вместе с тем евангельские истории не сознательный вымысел, это мифотворчество, а мифы представляют собой нечто большее, чем произвольные выдумки; мифы — продукт коллективного бессознательного творчества народа или крупной религиозной общины. В основе работы Штрауса лежало гегелевское учение о духовной субстанции народа.

«Жизнь Иисуса» сломала официальную гегелевскую традицию. Она положила начало движению «левых» гегельянцев, или «младогегельянцев» — открытых атеистов и республиканцев. Наиболее яркая фигура среди них — Бруно Бауэр, который в критике христианства пошел значительно дальше Штрауса. По Бауэру, евангельские сказания — заведомые фикции, сознательный, преднамеренный обман. Ошибка Штрауса заключается в том, что он абсолютизирует «субстанцию», то есть дух, не достигший «самосознания». Народ как таковой, по Бауэру, не может ничего создать непосредственно из своей субстанциальности, только единичное сознание дает ей и форму, и определенность содержания.

Спорили о религиозных проблемах (только в этой области допускался тогда обмен мнениями), но за богословием скрывалась философия. Вопрос о том, как возникли евангельские рассказы о чудесах: путем ли бессознательного мифологического творчества или их придумали евангелисты, разросся до вопроса о том, что является главной действующей силой во всемирной истории: «субстанция» или «самосознание», национальная культура или критически мыслящая личность.

Бауэр был атеистом, он писал остроумные антирелигиозные памфлеты, пародируя борьбу церковников против «антихриста» Гегеля, но он никогда не покидал почву идеалистической философии. Гегелевская философия в его интерпретации окрашивалась в тона фихтеанства. Спор не выходил за пределы идеализма.

Картина изменилась коренным образом в 1841 году, когда появилась книга, которая восстановила в правах материализм как философское учение. «Природа существует независимо от какой бы то ни было философии. Она есть та основа, на которой выросли мы, люди, сами продукты природы. Вне природы и человека нет ничего, и высшие существа, созданные нашей религиозной фантазией, — это лишь фантастические отражения нашей собственной сущности. Заклятие было снято; “система” была взорвана и отброшена

в сторону, противоречие разрешено простым обнаружением того обстоятельства, что оно существует только в воображении. — Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом», — писал много лет спустя Ф. Энгельс²⁹. Книга называлась «Сущность христианства», ее автором был Людвиг Фейербах.

Проходит еще три года, и в Париже в сборнике «Немецко-французские ежегодники» появляется статья Карла Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение». Для Германии, констатировал автор, критика религии, по существу, закончена. Ближайшая задача философии состоит в том, чтобы критику неба превратить в критику земли, критику религии и теологии — в критику права и политики. Маркс призывал к политической революции и указывал на материальную силу, которая в состоянии ее осуществить, — класс пролетариев.

* * *

Наш рассказ о жизни и учении великого философа подходит к концу. Можно подвести итоги.

Идея историзма — главное завоевание учения Гегеля. Мир — это процесс, и истина тоже процесс. Для диалектики нет и быть не может никаких вечных и неизменных форм — ни в действительности, ни в знании о ней.

Источник движения — противоречие. Единое раздваивается, и противоборство составляющих его частей дает импульс к усложнению структуры. В ходе развития старое исчезает не полностью, положительное в нем сохраняется, обогащается, поднимается на более высокую ступень.

Все предшествующие состояния и достигнутый уровень связаны воедино. Вообще мир не механический агрегат, а органическое целое. Вещи и процессы, явления природы и события истории представляют собой моменты единой системы мироздания. Системность — особо важная черта философии Гегеля. Те или иные отдельные диалектические идеи были известны с незапамятных времен. Гегель не только углубил их и придал им всеобщее значение, но (и это главное) попытался построить единую систему диалектических категорий, то есть особого рода гибких понятий, переходящих в свою противоположность и этим своим движением воспроизводящих богатство развивающейся действительности. Система строго субординирована, принцип ее построения — движение мысли от абстрактного к конкретному, от одностороннего, бедного содержания к единству многообразных определений.

Но здесь коренится и источник ограниченности. Субординированная система имеет границы, попытка раздвинуть их ведет к упрощению. Система становится схемой. Система Гегеля находится в явном противоречии с его методом. Отсюда и двойственный характер его учения, и двойственность оценок. А. Герцен называл учение Гегеля «алгеброй революции», Р. Гайм — «философией реставрации».

Известны симпатии Ленина к Гегелю. Вождь революции штудировал «Науку логики», готовясь к захвату власти. В то же самое время и более основательно работал над Гегелем будущий идеолог контрреволюции Иван Ильин. Защищать диссертацию и выпускать книгу «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» пришлось ему уже при большевистском режиме. Она принесла ему не только докторскую степень (вместо искомой — магистерской), но и помогла в контактах с ЧК. Ильина «брали» шесть раз, хотели расстрелять, но не решились: это был автор единственной тогда в Советской России книги о Гегеле, дело кончилось высылкой его из страны.

«В великой битве под Сталинградом сошлись две гегелевские школы», — писал в годы Великой Отечественной войны один западный журналист. Приведя эту цитату в первом издании книги (1970), я вынужден был снабдить ее целой системой оговорок: мол, ни Красную армию, ни немецкий вермахт нельзя считать «гегелевской школой», но все-таки... и т. д. Сейчас могу сказать, что я думал тогда и думаю сейчас. Любое массовое движение нуждается в мифе, а гегелевские конструкции гибких понятий — благодатная для них почва — и для мифа о классовой борьбе, и для мифа о расовом превосходстве. Гитлер и Сталин Гегеля не знали, но благосклонно взирали на то, что их приспешники клялись его именем. Столкновение мифов вылилось в борьбу народов, стоило жизни десяткам миллионов людей. Подлинный знаток и почитатель Гегеля И. А. Ильин жил в годы войны в нейтральной Швейцарии и переводил на немецкий свою книгу. Она вышла в Берне в 1946 году³⁰.